

Шмелем гудит главбух.

— Тюрьма—тюрьма... Да ведь в тюрьме казенные харчи. А если при аттестациях прекрасных придется с годову поддохнуть,—тогда что?

Сдается понемногу Август Августович.

— Ну что-ж... разве по мешочку?

Серчает Николай Петрович.

— Вы как ребенок рассуждаете. На чорта нужен он—мешочек. С мешочком живо в тюрьму влетишь.

И убедительно.

— С заведывающим складом я уже говорил. Он согласен. Дело должно, безусловно, выгореть. А если выгорит,—то перспективы сами представляйте: на днях из Крыма приехал мой знакомый и рассказывал, что за пятьсот рублей (конечно, золотом) там можно домик с садиком купить. Великолепный домик.

Попал случайно Николай Петрович в точку Августа Августовича.

— Ах... домик с садиком... в Крыму?!

Дом с садиком в Крыму—давнишняя мечта его. Решил, безповоротно, но с волнением:

— Эх, если-б бог помог?!

И тут-же в мыслях пронеслось.

— Должен помочь. Большевики ведь игнорируют его. Значит за нас он будет.

Лоскут 25-й. На новых ролях.

И с божьей помощью начали. Бухгалтер пишет ордера, завскладом отпускает, а Август Августович в записной книжечке на предпоследней страничке—учет ведет: „10 октября—10 мешков х 6 пуд. = 60 п. х 8 руб. = 480 р. „11 октября“...

Мелко, но отчетливо подписаны цифирка под цифиркой и летуньи птички—значки проверке, везде проставлены. Трепетно было когда первый транспорт отправляли, а когда отправили четвертый,—Август Августович был спокоен.

Лоскут 26-й. Гастроль 1-ая.

Мерзавцем оказался плантатор Пузырев. Когда решили на семидесяти мешкам остановиться,—он нагло заявил:

— Я вас ни ведать не ведаю, ни знать не знаю и никакого сахара от вас не получал...

Эх, было счастье, в руках почти что было, да поплыло. Нервно щиплет волосы главбух в бороде и на голове, а Август Августович зло ругается.

— Вот сволочи... Недаром кудаками окрестили их Советы.

Лоскут 27-й. Гастроль 2-ая.

Ну кто-ж не наблюдал, то медленно так ткутся и тачаются куски, а то вдруг быстро, быстро заткуются—затачаются. С азартом справиться большие нужны силы. По-